

MONUMENTA LINGVAE RUSSICAE VETUSTAE

REDIGUNT: A. V. KOLESOV ET E. N. TOT

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

РЕДАКТОРЫ: А. В. КОЛЕСОВ И Е. Н. ТОТ

ИЗ ГИМНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

И. Феринц

Из произведений древнерусской церковной письменности большой популярностью пользовались проповеди и молитвы Кирилла Туровского, крупного мастера церковного торжественного красноречия и поэта XII века. О популярности его сочинений свидетельствует множество списков XIII, XIV, XV, XVI и XVII веков, в которых они дошли до нас. Бережное отношение к творениям Кирилла Туровского явствует из того, что переписываемые в течение нескольких веков тексты Кирилла, как правило, не подвергались существенным изменениям.

Несмотря на высокую оценку мастерства Кирилла Туровского древним биографом /"Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси"/ и на большую известность его произведений среди древнерусских читателей, сведения о его жизни очень скудны. Летописи не упоминают о нем, только в древнерусском Прологе¹ /по списку XV века/ под 28 апреля читаем о нем небольшую запись. По этой записи, Кирилл, сын богатых родителей, родился в Турове², стольном городе Туровского княжества, соседившего с Киевским. Однако, Кирилл рано ушел в монастырь, стал монахом-аскетом и затворился в "столпе", где усиленно предавался книжному чтению и изложению "божественных писаний". Но слава о нем, о его святости и его книжной мудрости распространилась по всей Туровской земле, и туровский князь вместе с народом умолили его принять сан епископа. К этому периоду жизни Кирилла, по житию, относится его литературная деятельность. Он написал обличение на т. н. Феодорца, еретика-епископа владимирского, ряд посланий к князю Андрею Боголюбскому, писал "Слова" на "господские" праздники, молитвы и похвалы святым и сложил великий канон о покаянии. К этому

¹ Текст жития К. Т. издан в "Рукописях графа А. С. Уварова", т. второй, Памятники словесности. Санктпетербург, 1858, стр. 1-2.

² По определению К. Ф. Капайдовича под Туровом следует разуметь не Туров полоцкий, а Туров пинский, лежащий на Припяти. "Памятники русской словесности XII века", М., 1921, стр. IV-VII.

"Пролог" добавляет, что Кирилл и "иное множайшее" написал и предал церкви.

Почти все произведения Кирилла Туровского, перечисленные в проложном житии, дошли до нас, за исключением посланий к князю Андрею Боголюбскому. Однако, они были открыты для науки только К. Ф. Калайдовичем, издавшим в 1821 г. "Памятники словесности XII века", среди которых было напечатано 15 сочинений Кирилла Туровского.

Уже К. Ф. Калайдович отмечает, что творческое наследие Кирилла Туровского составляют не только публикуемые им сочинения, но и его молитвы, которые Калайдович знал в рукописях и некоторых старопечатных изданиях XVI-XVII веков. Однако, он не включил их в собрание сочинений Кирилла Туровского, потому что эти молитвы в известном ему списке XVI в. "при искажении древнего языка совершенно уклоняются по своему содержанию от цели"³ его издания.

Лучший знаток и издатель литературного наследия Кирилла Туровского /за исключением гимнографии/, профессор И. П. Еремин в своем археографическом обзоре сочинений Кирилла останавливается и на его гимнографическом наследии, указывая, что "литературное наследие Кирилла Туровского как гимнографа распадается на две основные группы: одну составляют его молитвы, другую - "канон молебен" и канон на "успение преподобныя княгини Ольги, бабы Владимира".⁴

Рассмотрев существующие издания молитв Кирилла Туровского, И. П. Еремин пришел к следующим выводам: во-первых, "вся научная литература о Кирилле - авторе молитв и канонов исчерпывается, строго говоря, предисловием, предпосланным редакцией "Православного собеседника" к изданию его молитв, и это предисловие сохраняет свою научную ценность и в наше время"⁵. Во-вторых, чтобы разобраться в сложном комплексе вопросов, связанных с гимнографическим наследием

³ Памятники российской словесности XII века. М., 1821, стр. XXX-XXXI.

⁴ И. П. Еремин, Литературное наследие Кирилла Туровского. - ТОДРЛ, т. XI, М.-Л., 1955, стр. 362.

⁵ ТОДРЛ, т. XI, стр. 364-66.

Кирилла, необходимо систематическое изучение всего дошедшего до нас рукописного материала, относящегося к молитвам Кирилла. В-третьих, отсутствие издания так называемого Ярославского пергаменного сборника второй половины XIII века уже давно препятствует изучению гимнографического наследия Кирилла. В этом сборнике содержится, наряду с другими молитвами, восемнадцать молитв Кирилла Туровского. Правда, все восемнадцать молитв Кирилла, содержащихся в Ярославском сборнике, известны и по изданию "Православного собеседника"⁶. Однако в Ярославском сборнике молитвы читаются в более древнем тексте.

Из этих заключений И. П. Еремина следует, что публикация и многостороннее изучение рукописного материала, относящегося к гимнографическому творчеству Кирилла Туровского, являются предпосылкой комплексного изучения его творческого искусства.

Но изучение его творческого наследия, в том числе и гимнографического, представляет немалый интерес для нас и по другим причинам. Во-первых, древнейшие русские рукописи, сохранившие для нас произведения Кирилла Туровского, являются важным источником сведений о языке минувших веков. Созданные непосредственно на русской почве сочинения позволяют судить о проповедническом и литургическом стилях русского литературного языка древнейшей поры⁷. Тщательное изучение и описание этих стилей древнерусского языка необходимо для выявления и убедительного показа своеобразия, а также взаимодействия разных стилей литературного языка древнейшей поры. Во-вторых, изучая языковые и стилевые особенности произведений, относящихся к жанру торжественного красноречия и к жанрам церковно-богослужебным, мы приобретаем сведения об исторических судьбах определенных жанров письменности Древней Руси, формирование и совершенствование которых

⁶ Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского. Православный собеседник, Казань, 1857. /Большая часть текстов напечатана по рукописному сборнику XV-XVI вв./

⁷ О стилях и типах литературного языка эпохи Киевской Руси см. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, изд. 3, исправленное. М., 1971, стр. 31-47. В. А. Ларин, Лекции по истории русского литературного языка /X - середина XVIII в./. М., 1975, стр. 24-218.

во многих отношениях пока недостаточно изучены. Впрочем молитвы и гимны занимают важное место в средневековой системе литературных жанров. В этой системе, как пишет академик Д. С. Лихачев, "жанры не равноправны и не однородны, а составляют иерархическую систему"⁸. Если вершину этой пирамиды литературных жанров составляет Священное писание, то молитвы и гимны занимают уровень "подножия" Библии, т.е. они находятся в зависимости от текстов Священного писания и покоятся на богословии. Иными словами, гимнография в создававшейся системе средневековых жанров занимает место между Священным писанием и богословием⁹. И это место гимнографии в системе жанров определяет многие особенности лексики, стиля и тональности изучаемых произведений. В-третьих, эти произведения позволяют судить о характере начитанности, образованности, а также о миропонимании и художественном мастерстве Кирилла Туровского. Ведь нам пока еще неизвестно, какие рукописи библейских текстов знал и использовал Кирилл Туровский. В связи с этим нет у нас и достаточно четкого представления о характере его творческой манеры. Создавал ли Кирилл свои гимнографические произведения тщательно продумывая их структуры, как это он делал в своих "Словах"¹⁰, или писал непринужденно и свободно, непосредственно изливая свои чувства? Наконец, как убедительно показывает Д. С. Лихачев¹¹, проповеди и молитвы Кирилла Туровского вместе с другими церковными жанрами способствовали развитию богатства византийской духовной культуры в славянской среде и служили общению славянских литератур и обмену сюжетами, мотивами и литературными приемами.

Вот таковы некоторые из соображений, приведших нас к выводу о важности публикации и изучения гимнографического наследия Кирилла Туровского.

⁸ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 45. Его же, Развитие русской литературы X-XII веков. Л., 1973, стр. 49-62.

⁹ Г. М. Прохоров, К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. ТОДРЛ, XXVII, Л., 1972, стр. 120-149.

¹⁰ И. П. Еремин, Ораторское искусство Кирилла Туровского в кн. Литература Древней Руси. М.-Л., 1966, стр. 132-144.

¹¹ Д. С. Лихачев, Развитие русской литературы X-XII веков, Л., 1973, стр. 23-35.

Мы публикуем отрывок "Молитвы в пяток по вечерни" по списку XIII в. /ГИМ, собр. Барсова, № 347/ и полный текст этой же молитвы по изданию Евгения, епископа Минского и Туровского /Киев, 1880/.

О рукописи собрания Барсова, № 347 в "Описании пергаментных рукописей Государственного исторического музея" читаем: "Молитва Кирилла, еп. туровского /отрывок/ XIII в., в I^о /27 x 19,6/, крупный русский устав, л. I. заголовок: "Молитва въ пяток по вечерни того же Кюрила" - киноварно. Начальный киноварный инициал "В" подобен инициалам Юрьевского евангелия XII в."¹². На обложке находится запись, рукой акад. М. Н. Сперанского 1912 г. ... "Лист вырван из рукописи"¹³, ныне принадлежащей Ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю /молитвослов - чиновник/, № 5, в большой I^о. Вырван из рукописи до 1854 г. Место листа - между лл. 200-201, по помете 1854 г."

Из издания Евгения¹⁴ /в нем 30 молитв/ мы публикуем полный текст указанной молитвы в славянском тексте. В основу славянского текста молитв в этом издании была положена старинная книжка, доставленная Евгением. Это была книжка малого формата in 8^о, без выходного листа, и сама составляла некогда часть другой, большей книги. Таким образом славянский текст дается в издании Евгения в основном не по вышеупомянутому изданию Православного собеседника: Тексты Православного собеседника были привлечены издателями только в тех случаях,

¹² М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко, Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. ч. I, Русские рукописи, Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965, стр. 163.

¹³ И. П. Еремин пишет /ТОДРЛ, т. XI, М.-Л., 1955, стр. 365./, что эта "рукопись раньше принадлежала библиотеке бывш. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, № 5-5, теперь - Московского Гос. исторического музея". Однако, в "Словаре древнерусского языка XI-XIV вв." /Изд. "Наука", М., 1966, стр. 165./ мы читаем "Сборник Спас-Преображенского монастыря, № 5, Ярославский областной краеведческий музей, Л., 1-200 /л. 200 хранится в ГИМ, Барс., № 347/."

¹⁴ Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского /издание Евгения, епископа Минского и Туровского/. Киев, 1880. стр. ХСVII-CII, сама молитва на стр. 214-216. /Молитвы в этом издании публикуются в оригинале и в переводе на современный русский язык, а остальные произведения Кирилла - только в переводе/.

когда соответствующих молитв не оказалось в вышеупомянутой старопечатной книжке. К числу этих молитв относится и публикуемая нами молитва.

Сравнение двух текстов не показывает существенных различий между ними. Некоторые различия обнаруживаются в употреблении букв для обозначения определенных фонем /напр. в издании Евгения для обозначения звука 'а употребляется юс малый, а иотированное пишется только в союзе юко, юкоже/. В двух местах в тексте молитвы по изданию Евгения наблюдается замена ч буквой ц /кончинѣ - концѣни, Коньчати - сконцати/. Только в одном случае можно встретить смысловоразличительные формы /благоизволи - благоволивь/. Однако принимая во внимание весь текст молитвы легко определить форму, соответствующую контексту. Вся молитва выражает горячую просьбу, мольбу и поэтому в ней преобладают императивные формы глагола, что, помимо прочего, свидетельствует в пользу формы "благоизволи".

Как уже было отмечено выше, место, занимаемое гимнографией в системе жанров Киевской Руси, во многом определяет содержание, тональность, лексические особенности и стиль этих произведений. Адресаты этих произведений тоже совершенно иные, чем в проповедях и вообще в церковной прозе. Если последние, разного рода "слова", гомилии и т. п. всегда адресованы к современникам, к людям, то молитвы, гимны обращены преимущественно к богу, к богородице или к святым. Публикуемая нами "Молитва" не представляет исключения: она обращена к богу и содержит обязательные для этого жанра элементы самоуничижения, раскаяния, мольбу о милости, о пощаде, которые разумеется, могут повторяться и в других его молитвах. Однако, сам факт, что "молитвы Кирилла Туровского - вариации одной и той же темы - просьбы о прощении грехов, о помощи против "беса стужающего"¹⁵..., по нашему мнению, никак не должен снижать их художественного значения, ведь и в древнерусской иконописи повторялись темы, к тому же в строго заданных рамках, но благодаря таланту и мастерству художников, иконы поражают нас своей красотой и мы высоко ценим искусство древних художников.

¹⁵ История русской литературы. т. I, Изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1941, стр. 362.

Грамматическим выражением обращения являются звательные формы, которыми изобилует начало молитвы, ибо при обращении к богу особенно важно, чтобы оно оказалось эффективным и чтобы в нем выразилась покорность и ничтожность молящегося перед величием бога. Не случайно поэтому, что Кирилл начинает свое обращение с самого торжественного слова "Владыко господи вседержителю", а дальнейшие обращения как бы объясняют, конкретизируют эту "вседержительность". Но может подчеркиваться в обращении и какое-либо выдвигаемое качество бога /"милостиве", "спасителя"/.

После обращения звательные формы уступают место императивным глагольным формам, выражающим просьбу или мольбу, обращающегося к богу. За просьбами и мольбами вырисовывается жизнепонимание религиозно настроенного человека того времени. Этому человеку жизнь кажется "житейской пучиной" и грехи волнами хотят потопить его. Именно поэтому он обращается к богу с просьбой: "превести" его через эту пучину и не оставить его "растлеть в беззакониях", т.е. грехах¹⁶, ибо, как можно видеть из второй части молитвы "грех творит тлю", тление. Эта молитва Кирилла Туровского должна была читаться в пятницу, по вечерни и, видимо, поэтому подчеркивается в ней возрастающая с наступлением ночи опасная сила грехов. Ощущение, будто человек ночью бывает "обят бесовским мечтанием и покрываем тьмою греховною", питается образами Библии¹⁷, оно усиливается и конкретизируется в молитве существительными, выступающими в Библии синонимами греха и зла. Источником зла, врагом человека в молитве выступает дьявол, а бог как "всякаго добра податель": изобилующий благами "рабам своим". Как же изображается человек в борьбе добра и зла?

¹⁶ Беззаконие = грех см. "Ибо законом познается грех" Посл. к рим. 3, 20 "Ты бог, не любящий беззакония" Псал. 5, 5, а также "Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие". Псал. 5, 6.

¹⁷ "Приурочение метафор свет - тьма к религиозным представлениям перенесено в русскую литературу в готовом виде из памятников переводной библейско-византийской литературы. Уже в книгах Ветхого завета противопоставление истинной веры безбожию выражается с помощью представления их в виде света и тьмы... Наибольшее развитие метафоры свет - тьма получили в Евангелии Иоанна". В. П. Адрианова-Перетц, Очерки поэтического стиля Древней Руси, М.-Л., 1947, стр. 40.

Человек окружен на земле разными силами, проявлениями зла, и один - без помощи бога - не способен избавиться от него. Но это не значит, что человек обречен на полную пассивность, что он изображается бес- сильной игрушкой¹⁸. Напротив, молитва внушает, что человек сам должен хотеть добра, стремиться к нему и просить для этого помощи бога /възови мѧ и избавлю тѧ/. В молитве содержатся даже критерии, предпосылки достижения добра, как напр., смирение, стремление к божьим заповедям, уклонение от бесполезных мыслей, душевное умиление, покаяние и пр. Только располагая всеми этими христианскими добро- делителями, человек, "тяжко уязвленный греховым жалом", может уповать на "исцеление". Заимствуя метафорически-символические строки из псалмов /"яко пришлец есмь аз: якоже и всѣ отци мои /39, 13/: се бо яко трава заутра процвѣтох и на вечер отпаду и исохну 37, 2;/ мо- литва напоминает человеку о бренности и тленности человеческой жиз- ни, а также о своевременном покаянии. Таким же образом, цитатами из псалмов выражается, что и сам бог также заинтересован в покаянии и помиловании человека, ибо "не мертвые восхвалят тебя, в адѣ же кто прославит тебя?" /30, 10/.

В последнем обращении к богу выдвигаются важные моменты искуп- ления грехов человеческих Иисусом Христом, а именно, что оно одина- ково распространилось на все народы¹⁹ и племена, и что верующим в него, Христос даровал жизнь вечную. Стать "причастником" этой вечной жизни - важнейшее стремление верующих. Не случайно поэтому, что Кирилл Туровский в завершающей части своей молитвы стремится дать подробнейшее, притом торжественное и возвышенное описание не- бесного царства. Сначала перечисляются его синонимичные наименова- ния, взятые из Священного писания, затем по принципу контраста зем- ной и вечной жизни и с помощью стилистической симметрии²⁰ характери-

18. Der Mensch wird hier als völlig kraftloses Spielzeug der Sünde und des Verführers geschildert"; Dmitrij Tshizewskij, Russische Geistesgeschichte. Zweite, erweiterte Auflage, München, 1974, S. 59.

19 Этот же всеобщий характер христианского вероучения служил важным религиозным и политическим доводом для обоснования самобытности молодой русской церкви, а также и государства против притязаний Византии в "Слове о законе и благодати" Илариона.

20 О стилистической симметрии см. Д. С. Лихачев, Поэтика древне- русской литературы. Л., 1967, стр. 168-175.

зуется небесное царство как место где "нет болезни, ни печали, ни воздыхания, ни дьявола, на зло подвизающа, ни греха тлю творящего, но радость неисповедима и веселие неизреченное". В последних строках, когда перечисляется населяющее небеса множество праведников, пророков и т.д. лишний раз можем убедиться в богатстве синонимических возможностей церковно-богослужебных стилей древнерусского литературного языка, ведь Кирилл Туровский к слову "множество" приводит здесь девять синонимов, благодаря которым картина небесного царства становится более рельефной, выразительной. Если же учесть, что речь идет о предмете блаженства христиан, то торжественность, создаваемая скоплением синонимов, становится приемлемой и не кажется противоречащей покаянному тону молитвы²¹.

²¹ "Все они /молитвы/ уснащены евангельскими образами, изложены языком несколько изысканным, мало согласующимся с миренно покаянным настроением". История русской литературы. т. I, Изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1941, стр. 362.

М[о]л[и]тва въ пѣтѣ¹ по вечерни того же Кюрила^x

/ГИМ, собр. Барсова, № 347./

Вл[а]д[ы]ко г[оспод]и вседержи
 телю, б[о]ж[е] ѿ[те]ць² наши
 хъ, вѣкомъ³ творъ
 че⁴ и коньчинъ⁵ свѣ
 дѣтелю⁶, ищита⁷
 лѣта и времена и
 зѣмь⁸ра⁸ живоу
 щимъ⁹ на земли жи
 вотоу¹⁰ иже¹¹ и см[е]рти
 имѣ¹²а власти! Не ѿ
 стави ме г[оспод]и ѿтину¹³
 дѣ¹³ растьлѣти¹⁴ въ бе
 законныхъ¹⁵, ни гнѣ

ва, достойна проти
 воу¹⁶ дѣломъ моимъ,
 послѣ¹⁷ на мѣ, нѣ¹⁸ оу
 слыши гла(с)¹⁹ м[о]л[и]твы
 моея²⁰ бл[а]гоизволи²¹
 превести мѣ жити
 искоую²² поучиноу²³
 мнозѣми вольна
 ми²⁴ грѣховнами²⁵
 погрядноути²⁶ хотя
 щаго, иже и сего дне
 долготу²⁷ сподо
 билъ мѣ²⁸ кси конь
 чати²⁹ и к началу³⁰
 ноши приблизити
 сѣ³¹ кси³² же не начаю
 сѣ³³ прѣйти³⁴ бѣсовъ
 скымъ³⁵ ѿбыть³⁶ ме
 чьтани³⁷ мѣ и тмо³⁸

^x Текст публикуемой рукописи разделяется на слова. В начале фраз вводятся прописные буквы. Титла раскрываются и подтительные части слов вставляются в квадратных скобках. Выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках. Цифрами перенумерованы варианты по изданию Евгения, причем учитываются все нетождественные написания.
 1/пѣтокъ 2/отець 3/вѣкомъ 4/творче 5/коньчѣни 6/свѣдѣтелю 7/исчита^а
 8/измѣрѣ^а 9/живущимъ 10/животу 11/же и 12/имѣ^а 13/отни^аудъ 14/
 растьлѣти 15/въ беззаконїихъ 16/противу 17/не послѣ 18/но 19/гласъ
 20/мое^а 21/Благоволивъ 22/житейскую 23/пучину 24/волнами 25/грѣхов-
 ными 26/погряднѣти 27/долготу 28/нет 29/сконцати 30/началу 31/
 приблизитисѣ 32/еже 33/не чаю 34/преити 35/бѣсовскимъ 36/обѣть
 37/мечтани^емъ 38/тмоу

Молитва

въ пѣтокъ по вечерни Кирилла Туровского

/По изданию Евгения/^х

Стр. 214. Вл[а](д)[ы] ко г[оспо]ди вседержителю, б[о] же о[те]ць
нашихъ, вѣкѡмъ / творче и концѣни свѣдителю, исчитаѣ лѣта и
вре/мена избѣраѣ, живущимъ на земли животу же и/ смерти имѣѣ
власть! Не ѡстави мене, г[оспо]ди, о(т)инудѣ/ растлѣти въ без-
законїихъ, ни гнѣва, противудѣломъ/ достойна, не посли на мѣ,
но услыши гласъ м[о] л[и] твы/ моеѣ. Бл[а]говолить превести мѣ
житейскую пучину мно/зѣми волнами грѣховными погразнути хотѣ-
щаго/, иже и сего дне долготу сподобилъ еси сконцати и къ/ началу
нощи приблизитисѣ, еѣже не чаю преити бѣсовскимъ обѣтъ мечтанїемъ
и тмою грѣховною/ покрываемъ, въ нюже спаси мѣ ѡ(т) всѣаго со-
вѣта вра/жїѣ и всѣахъ скорби и напасти, нужа и печали и сквер/ -
ныхъ мыслей, ꙗже безпрестани стужають ѡкааннѣи/ ми д[у]ши. Ты бо
еси б[о]гъ мой и всѣаго добра по/датель, и преже прошенїѣ даѣ,
изѡбилова рабомъ сво/имъ благаа, помѣни смиренїе мое и ѡ(т) верзи
оустѣѣ/ мои на славословіе твое и прїими вечернюю сію м[о] л[и] тву/
и дайже невозбранно ми теши к заповѣдемъ тво/имъ, не вотще трудитисѣ
маловѣрїѣ моего ради./ Ты бо рече: възови мѣ и избавлю тѣ: избави
мѣ,/ г[оспо]ди, ѡ(т) всѣахъ козни дѣавола и управи животъ мой./
Се бо со страхомъ предстою ти, на множество щед/ротъ твоихъ взираю
выну и оумиленїемъ д[у]ша припа/даю: ѡ(т) неполезныхъ мыслей оукло-
ни з[е]р(д)це мое и оумь/ мой къ тебѣ впери: дайждѣ ми, г[оспо]ди,
ѡ(т) н[ы]нѣ время по/каанїѣ, ꙗко пришелецъ есмь азъ, ꙗкоже и всѣ
о[т]ци/мои: себо ꙗко трава заутра процѣтохъ и на вечерь//

Стр. 216. ѡ(т) паду и исхну. Исцѣли мѣ, милостиве, злѣ оудз/
веннаго грѣховнымъ жаломъ, преже даже не ѡ(т) иду и/къ тому не
буду: ꙗко не мертвїи въсхвалѣтъ тѣ,/ въ адѣ же кто исповѣсть ти
сѣ; Ея вл[а](д)[ы] ко, сп[а]с(и)тел[е] д[у]шь/ нашихъ, даровавый намъ
надежду въскресенїѣ вѣрующимъ тѣ, покой д[у]шѣ рабъ своихъ о[те]ць
и братїю на/шу... и всѣаго племени хрїстіаньскаго роду,/ мужеска

^х Концы строк отмечаются одной чертой, концы страниц - двумя.

полу и женска, и всѣхъ елико въ тѣ вѣрѣваша ѿи[су]са Хр[ис]та,
с[ы]на б[о]ж[і]а . Ты бо рече: вѣруѣи въ мѣ/ не оумреть, но имать
животъ вѣчный, его же и мене/ причастника сътвори въ земли кроткихъ,
въ селехъ/ с[вѣ]тыхъ, въ неразрѣшимыхъ храмахъ, въ горнемъ ѿеру[са]
лимѣ, в немерцающемъ свѣтѣ и нестарѣющемъ блаженномъ ономъ вѣцѣ,
въ бесконечнѣй жизни, идѣже/ нѣсть болѣзни, ни печали, ни въздыхан[і]а,
ни дѣвола на зло подвизающа, ни грѣха тлю творѣщаго,/ но радость
неисповѣдима и веселіе неизреченное, и пра/ведникъ множество,
пр(о)рокъ чиновъ, апостоль ликове,/ м[у]ч[е]никъ полци, страсто-
терпецъ хоругви, с[вѣ]титель събо/ри, пр[е]п[о]д[о]бныхъ толпы,
п[у]с-тынникъ совокупленіе и свѣ/тыхъ женъ крѣпкод[у]шїе и с[вѣ]тыхъ
покоище ѿц[ей] вѣка/ оугодившихъ тебѣ, единому истинному б[о]гу
нашему,/ ѿц[ю] и с[ы]ну и с[вѣ]тому дѣх[у] и н[ы]нѣ и присно , и во
вѣки вѣкомъ . Аминь .

МОЛИТВА

къ пѣтѣхъ по вечерни.

Вѣдо Тѣи Вседержителю, Бже Оцѣ нашихъ, вѣнчавъ
творче и кончени свидѣтелю, нечисти аще и вѣ-
мена измѣрила, живущимъ на земли животъ же и
смерти имѣла власть! Не вѣстаетъ менѣ Гдѣи, шнѣи
распачѣти въ беззаконїихъ, ни гнѣва, прочнѣе дѣломъ
достойна, не посланъ на ма, но оуслыши гласъ мѣтвѣ
моеа. Бѣговоливъ прекрати ма житїйскѣи оучинѣи мно-
зѣмъ волнами грѣховными пограбленѣи хотѣшаго,
иже и сего дне долготѣ подобнаѣ еси скончати и къ
началѣи пощнъ приблизитиса, елике не чинъ прѣстѣи бѣ-
совскимъ оубѣтѣи мечтанимъ и тмоу грѣховномъ
покрываемъ, въ нѣже спашъ ма ѿ всякаго соудѣи вра-
жїа и всякѣи скорби и напасти, ножа и пѣчали и скор-
ныхъ мыслей, иже безпрѣстѣи стѣжати ѿкланїи
ми душн. Ты бо еси Бгъ мой и всякаго добра по-
датель, и прѣже прошѣнїа дѣла, изшелоуа работѣи сво-
имъ благоа, помани смиренїе мое и ѿверзи оушнѣи
мой на словолюкїе Твое и прїими вечернюю сїю мѣтвѣ
и дѣиже небоубранно ми тиши къ заповѣдемъ Тво-
имъ, не вѣстѣи трѣбнїи ма малоуверїа моего радн.
Ты бо рече: вѣздови ма и избавлю тѣа: избави ма,
Гдѣи, ѿ всякѣи ноуни дѣвола и оуправи животъ мой.
Се бо го страхомъ предстою Ти, на множествои шѣд-
ротѣи Твоихъ кзрѣю вынѣи и оумилѣнїемъ душн припа-
дан: ѿ непоуслышнѣи мыслей оуклони лице мое и оумъ
мой къ Тебѣ вперн: дѣиже ми, Гдѣи, шнѣи брѣма по-
кланїа, ижеи пришелицѣи есмь азъ, ижеи и вѣсѣ Оцн
мой: ижеи ижеи тѣа забота процѣтѣи и на вечерѣи

ШПАДЪ И НІЗХНД. ИЩЕЛІ МА, ИМЛОУЩИИ, ВАѢ ОУАД,
ВІННАГО ГРѢХОВНЫМЪ ЖАЛОМЪ, ПРІЖЕ ДАЖЕ НЕ ШНДЪ И
КЪ ТОМУ НЕ БѢДЪ: ЯКШ НЕ-МЕРТЕІН ВЪХУБАЛАТЪ ТА,
КЪ АДѢ ЖЕ КТО ИСПОВѢТЬ ТИ СЯ; ЪИ ВАКО, ОПСЕ ДШ
НАШНХЪ, ДАРОКАВЫИ НАМЪ НАДѢЖЪ ВЪСКРЕСІІА ВЪРЮ-
ЩИМЪ ТА, ПОКОИ ДШЪ РАБЪ СВОИХЪ ОЦЪ И БРАТІИ НА-
ШИ (ИМКА) И ВІАКАГО ПЛЕМІНИ ХРІСТІАНСКАГО РОДЪ,
МЪЖСКА ПОЛЪ И ЖІНСКА, И ВСѢХЪ СЛІНО КЪ ТА ВЪРО-
БАША ІІСА ХРТА, СНА БЖІА. ТЫ КО РЕЧЕ: ВЪРЮДИ КЪ МА
НЕ ОУМРѢТЬ, НО ІМАТЬ ЖИВОТЪ ВѢЧНАИ, ЕГО ЖЕ И МЕНЕ
ПРИЧАСТНИКА СЪТВОРИ КЪ ЗЕМЛИ КРОТКЫХЪ, КЪ СЛАХЪ
СТАХЪ, КЪ НЕРАДОРИМЫХЪ ХРАМЕХЪ, КЪ ГОРНЕМЪ ІЕРУСА-
ЛИМЪ, КЪ НЕМЕРЧАЮЩЕМЪ СВѢТѢ И НЕСТАЛОУЩЕМЪ СЛА-
ЖІННОМЪ ОНОМЪ ВѢЦѢ, КЪ БЕСКОНЕЧНѢИ ЖІЗНИ, НАДѢЖЕ
НѢСТЬ БОЛѢЗНИ, НИ ПЕЧАЛИ, НИ ВЪЗДАХАНІА, НИ ДА-
КОЛА НА ВЛО ПОДВИДАЮША, НИ ГРѢХА ТЛОУ ТВОРАЮЩАГО,
НО РАДОСТЬ НЕИСПОВѢДИМА И ВЕСЕЛІЕ НЕИЗРЕЧЕННОЕ, И ПРА-
ВЕДНИКЪ МНОЖЕСТВО, ПРЮКЪ ЧІНОКЕ, АПОСТОЛЪ АНКОЕ,
МЧНИКЪ ПОЛЦИ, СТРАСТОТЕРПЕЦА ХОРОБКИ, СТИТЕЛЪ СЪКО-
РИ, ПЕПЕНАХЪ ТОЛПЫ, ПЪСТЫННИКЪ ГОВООКЪПАНІЕ И СКА-
ТАХЪ ЖІЗНЪ КРѢПКОД, СЕ, И УГЛІХЪ ПОКОИЩЕ Ш ВѢКА
ОУГОДИВШИХЪ ТЕБѢ, СДІННОМЪ ИСТИННОМЪ БГЪ НАШЕМЪ,
ОЦЪ И СНЪ И СТОМУ ДХЪ И ННѢ И ПРИНШ, И КО КѢ-
КЫ ВѢКШМЪ. АМІНЬ.